

Абузар БАГИРОВ,
доктор филологических наук,
профессор Университета МГИМО МИД РФ

МАСТЕР лаконичных романов

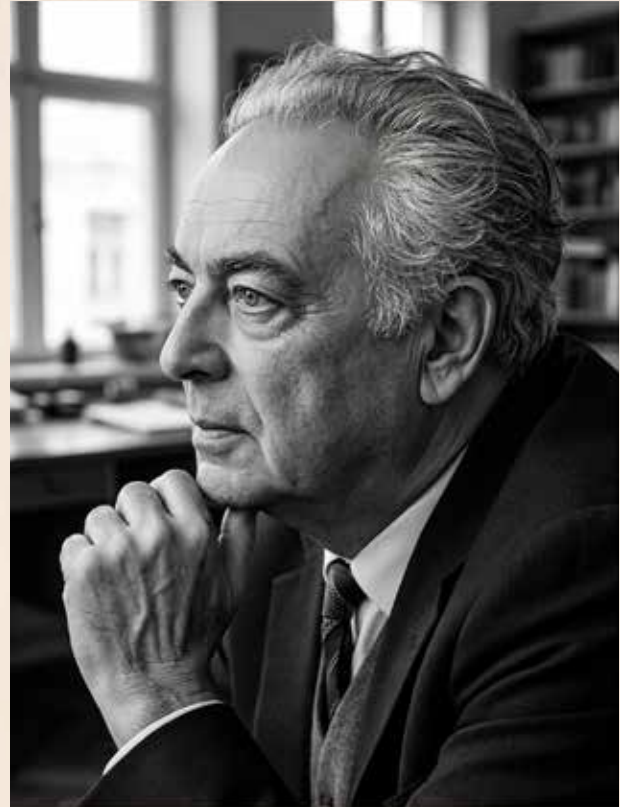

Подобно всем божьим созданиям, судьба каждой творческой личности складывается совершенно по-разному, сугубо индивидуально. Кто-то начинает творить в раннем, а другие уже в зрелом возрасте. Кто-то за короткую жизнь создает так много талантливых художественных произведений, что диву даёшься, порой с трудом верится в принадлежность одному человеку такого количества высокопробных, незаурядных образцов интеллектуального труда. А иные свой **путь в искусстве начинают в достаточно зрелом возрасте и за короткий срок с неимоверной быстротой навёрстывают упущенное**, достигают и количественного, и качественного творческого успеха. В чём же секрет таких диаметральных различий, что за чудное явление?! Видимо, в этом проявляется феномен разнообразного таланта избранных, которые наделены Всевышним сакральной миссией образного, мудрого вещателя: художников, музыкантов, поэтов, писателей...

Известный прозаик, видный общественный деятель, народный писатель Азербайджана (1984) Байрам Байрамов начал свой творческий путь в зрелом возрасте, когда ему было 32 года. **Его первый рассказ «Мост» был опубликован в газете «Азербайджан гянджлери» («Азербайджанская молодёжь») в 1950 году**, а уже в 1954 году за продуктивное и талантливое творчество начинающий прозаик был принят в члены Союза писателей СССР.

Байрам Салман оглу Байрамов родился 11 декабря 1918 года в селе Шихаванд Джаванширского уезда Елизаветпольской губернии (ныне село Алимадатли Агдамского района Азербайджана) в крестьянской семье. В 16 лет, окончив семилетнюю школу, поступил в педагогический техникум в Агдаме, где проучился четыре года (1934–1938). Затем учительствовал в неполной средней школе села Гусанлы (1938–1940), в 1940–1941 годы работал заведующим учебной частью неполной средней школы села Муслимлар, а в 1941–1942 годы – директором семилетней школы села Хорузлу Тертерского района.

В начале 1942 года Байрам Байрамов был отправлен на фронт и участвовал в боях за Моздок. Спустя полгода был тяжело ранен и три месяца лечился в военном госпитале, после чего для полного восстановления физического состояния его отправили домой. Здесь он сразу же взялся за любимое дело – полгода преподавал и руково-

дил семилетней школой в селе Гоюнбинаси Евлахского района. **В апреле 1943 года снова был призван на военную службу и отправлен на передовую. Его боевой путь продолжался до Варшавы**, где он получил контузию и множество осколочных ран. После месяца лечения в Киевском военном госпитале в середине 1944 года демобилизовался и, вернувшись в родное село, продолжил педагогическую деятельность – работал учителем в семилетней школе (1944–1945).

В 1945–1950 годах будущий известный писатель учился на очном отделении филологического факультета Азербайджанского государственного университета в Баку. **Получив высшее филологическое образование, Байрам Байрамов семь лет преподавал азербайджанский язык и литературу** в Библиотечном техникуме имени Н.К. Крупской (1948–1955). Был главным редактором литературно-драматической редакции Азербайджанского радио (1956–1958), работал литературным сотрудником журнала «Азербайджан» (1958–1960), консультантом по прозе Союза писателей Азербайджана (1960–1963). Пять лет занимал пост заместителя председателя Государственного комитета по печати (1966–1971), в 1989–1994 гг. был председателем Комитета народной помощи Карабаху.

Сидят: известный поэт Сулейман Рустам и писатель Мехти Гусейн. Стоят их молодые коллеги, справа - Байрам Байрамов

В 1984 году Байраму Байрамову было присвоено почётное звание «народный писатель Азербайджана», а в 1990 году он стал лауреатом Государственной премии Азербайджанской ССР в области литературы. Он был активным общественным деятелем, неоднократно был депутатом Бакинского городского и районных советов, избирался депутатом Верховного совета Азербайджанской ССР (1990), с 1991 года активно участвовал в общественной деятельности Союза писателей Азербайджана как член постоянного Совета организации.

С начала 1950-х годов Байрам Байрамов регулярно печатался в разных периодических изданиях. **Первый сборник рассказов «Одинокий человек» увидел свет в 1956 году в бакинском издательстве «Детгиз».** В этой книге автор ярко показал, что он близко знаком с жизнью современного ему азербайджанского села, глубоко знает характер сельских жителей, деревенский быт, обычаи, традиции. Богатое **творческое наследие Байрама Байрамова собрано в более 30 книгах, изданных в Баку и Москве на азербайджанском и русском языках.** Ему принадлежат множество рассказов, около двадцати повестей, более десятка романов.

В своём рассказе «Его глаза» (1957) писатель отразил жизнь современников с разных сторон и на разных уровнях проблем. В рассказе «Если полюбит, то вернётся» (1962) затронуты нравственные и духовные вопросы. Один из рассказов прозаика, написанный в 1960-х годах, называется «Ореховое дерево». В этом рассказе автор выступает против старых традиций, устаревших нравственных норм, консерватизма в проблеме «отцов и детей».

Один из достойных образцов **публицистического мини-рассказа в азербайджанской прозе – «Кольцо без камня», написанные в 1970-е годы,** состоит из одиннадцати рассказов. В каждом из них автор освещает определённую тему и знакомит читателей с поучительными событиями общественной и духовной жизни. А в рассказах «Тоска по сыну» и «Жёлтый дедушка» писатель акцентирует внимание на событиях войны 1941-1945 годов.

Повесть «Три дня, три ночи», вошедшая в одноимённый сборник (Баку, «Азернешр», 1967), отличается творческой новизной. Надо заметить, что **в творчестве Байрама Байрамова, принимавшего участие в боях против германского фашизма, тема войны встречается очень редко.**

В указанном произведении автор продолжил традиции азербайджанской прозы, связанные с войной. Здесь писатель сосредотачивается на судьбах двух молодых людей, стремясь отразить, как его герои в условиях войны преодолевали тяжёлые испытания, показывали примеры патриотизма и отваги.

В большинстве повестей писателя, таких как «Без тебя», «Одинокий человек», «Священная обязанность», «Я ведь не красавица», «Дни, которые я видел», «Фирангиз» (1963), «Ненаписанная книга» (1978), «После многих слов» (1989) и др. даётся художественное изображение жизни людей, их неразрывной связи с родной природой. Писатель хорошо знает психологию своих образов и также уверенно опирается на своё тонкую наблюдательность. В произведениях Байрама Байрамова много колоритных зарисовок из жизни, увлекательных пейзажей. Автор с гордостью изображает живописные равнины, заснеженные вершины, туманные горы, глубокие ущелья, чистые источники, ароматные луга, вызывая у читателей чувство горячей любви к родной природе. Описание природы служит не только для того, чтобы изобразить место, где происходит действие, и не для того, чтобы привязать событие к конкретной почве.

Пейзаж также служит цели раскрыть идею, дополнить отдельные стороны характера персонажа. Например, в повести «Фирангиз» обсуждение авторских взглядов на скалу Гялин и её неоднократное описание не являются случайными. Услышав, что бросившаяся с этой скалы женщина благодаря раскрывшейся юбке приземлилась благополучно, Фирангиз усмотрела в этом чуде некий смысл. Она сказала мужу: «Если бы её юбка не помогла, эта женщина всё равно не погибла бы... даже если бы она была сброшена с обрыва доблести, мужества и счастья, она не умерла бы, она вечна!» Ибо Фирангиз сама тоже была из тех доблестных, мужественных и верных женщин.

Байрам Байрамов написал немало лаконичных романов на тему города, на тему национального духовного колорита, о жизни интеллектуалов. Его романы «Листья» (1961), «Её глаза» (1964), «Сокровище», «Проклятая любовь» (1965), «Ограды» (1966), «Кольцо без камня» (1977), «Девушка из города» (1984), «Караванный путь» (1986), «Двуличный мир» (1992) и др. по сей день остаются любимыми и читабельными у азербайджанских книголюбителей благодаря неизменно свежему взгляду на жизнь и акцентированности на моральные вопросы.

В прозе Байрама Байрамова особое место занимают **женские образы, молодые персонажи, завоёвывающие читательскую симпатию своим достоинством, гордостью, простотой и искренностью, а также образы мудрых отцов и матерей.** В произведениях прославленного народного писателя все эти образы составляют монолитную галерею достойных носителей высоких нравственных идей автора.

Народный писатель Азербайджана, автор множества тонких, глубоких художественных прозаических произведений, обладатель сочного, кристально чистого, колоритного слога Байрам Салман оглу Байрамов ушел из жизни 9 ноября 1994 года и был похоронен на II Аллее почётного захоронения в городе Баку. 🌸

Литература

1. Очерк истории азербайджанской советской литературы. Подготовлен к печати Институтом литературы и языка им. Низами АН Азербайджанской ССР совместно с отделом советской литературы ИМЛИ им. А.М. Горького АН СССР. Ответственные редакторы: З.С.Кедрина, Г.Б.Бабаев. Москва, «Наука», 1963. 570 с.
2. Azərbaycan sovet ədəbiyyatı. Ali məktəblər üçün dərslik. Redaktorları: Ə. Mirəhmədov, B. Vahabzadə, F. Hüseynov. Bakı, "Maarif", 1966. 436 s.
3. B.S.Bayramov. Arakəsmələr. Roman. Bakı: Azər-nəşr, 1966. 560 s.
4. B.S.Bayramov. Seçilmiş əsərlər, üç cilddə. 1-ci cild. Bakı: Yazıçı, 1984. 328 s.
5. Б.С. Байрамов. Боль (романы, рассказы). Москва, «Советский писатель», 1989. 368 с.
6. Т.Ə. Əhmədov. XX əsr Azərbaycan yazıçıları. Ensiklopedik məlumat kitabı. Bakı, "Nurlar", 2004. 984 s.
7. А.Дж. Рустамова, Б.А. Набиев, Я.В. Гараев. Азербайджанская литература. Краткий очерк (для азербайджанской диаспоры). Баку, «Элм», 2005. 456 с.

This article briefly describes the activities of Bayram Bayramov, a prominent 20th-century Azerbaijani prose writer.

КОЛЬЦО БЕЗ КАМНЯ (роман) АЛЬПИЙСКАЯ ГРОЗА

Более высокого яруса гор машина достигла только к вечеру. В этих местах машины встречались гораздо чаще, чем можно было предположить. Рядом с дорогой ледяные ручьи, посверкивая на солнце, стремительно неслись вниз и кое-где размывали путь. «Попробуй-ка в этих местах построить – завтра, глядишь, вода и следа не оставит», – подумал Хыдыр. А Эйваз то и дело принимался ворчать: водители, останавливавшиеся здесь, подкладывали под колёса камни, но не удосуживались отшвырнуть их, когда снова трогались в путь, и дорога от этого становилась небезопасной.

Если бы Хыдыр целый час не простоял перед той самой скалой с девичьей талией, восхищаясь с чисто профессиональным чувством точностью расчёта и причудливостью форм, сотворённых самой природой, они давно одолели бы этот зигзагообразный подъём.

Наконец, они добрались до скалы, напоминавшей очертания бегущего оленя. Тут, как оказалось, недавно оборудовали маленькую закусокную – это была одна из тех лёгких разноцветных построек, которые называют фестивальными, да ещё со стеклянной галереей.

Хыдыр давно уже заметил, что горы обладают чудодейственным даром: в их разреженном воздухе быстро улечивается дымок грусти или неудовольствия. Гораздо быстрее, чем в низинах... Это, вероятно, потому, что прекрасное в горах совсем рядом, оно почти становится бытом.

Вот и сейчас, поднимаясь с перевала на перевал, оставляя позади ущелье за ущельем, Хыдыр почувствовал, что на душе легко и радостно – впереди открывался простор высокогорной альпийской долины. Им повезло: редко выпадали дни, чтобы тут все не заволочло туманом, особенно к вечеру.

Солнце ещё не зашло, оно все ещё бросало свой уже несильный свет на луг, засеянный пёстрым клевером. Эйваз остановил машину на открытом месте, откуда всё это великолепие отлично смотрелось. Хыдыр прошёл по уже однажды выпасенному, но все ещё не потерявшему шелковистую растительность выгону и стал смотреть на отару, бродившую на солнечной стороне эйлага.

– Легко тут дышится, Эйваз!

Эйваз, более сдержанный, не проявлял особого восторга, он молча смотрел на палатки и доми-

ки, как бы втиснутые в тело скалы. Все это его не удивляло, да и понятно: ему не единожды приходилось бывать на эйлагах, а уж на этом тем более.

– Верно, профессор, легко дышится – да это что! Вот завтра двинемся к истокам реки, туда, где она вытекает из ущелья. Там есть глубокая пещера, я уверен, что тебе захочется осмотреть её. А теперь пора и отдохнуть, благо кочевники-скотоводы считают, что гость всегда ко времени.

– Может, все-таки переночевать на открытом воздухе?

– Обидятся. Да и холодно будет. Да ты не беспокойся, у меня тут свои люди есть.

– Ого! Что ж ты молчал? Значит, ты уже бывал здесь?

– Бывал...

– Выходит, что у тебя почти в любом селенье свои люди, знакомые или друзья.

– А чем плохо? За век шофёрской работы друзей немало находишь. Как же иначе? Все время в дороге, а дорога – сам знаешь, это люди, встречи, жизнь... Вот и запоминается иной человек, бывает, надолго. А тут у меня сваты – родители моей невестки, исконные скотоводы.

– Выходит, Эйваз киши, один у нас корень. И мои родители были кочевниками, пасли скот в горах.

Навстречу к ним из лачуги вышла женщина с бронзовым от загара лицом, в многочисленных юбках и сползшем наборе платке. Негромко, но властно – сразу чувствовалось, что это хозяйка, – она скомандовала ребятам:

– Вынесите палас для гостей, расстелите!

Она подошла поближе и вдруг широко улыбнулась, всплеснула руками, от кажущейся её надменности и следа не осталось.

– Эйваз! Дети, Эйваз киши приехал! Ты ли это, Эйваз, да будет с тобой добро!

– Это я, я, – засмеялся Эйваз, приветствуя мать невестки. Все ли благополучно дома, тетя Хамаил?

– Все здоровы, только дома никого нет, кроме детей...

Хыдыр медленно шёл по шелковистой, уже почти невидимой траве и смотрел, как напознал на долину плотный туман, поднявшийся от ущелий. Хыдыру, выросшему на эйлаге, было ясно, что если не подует ветер с вершин, то немного погодя этот туман приглушит огоньки в палатках и окружит белым ореолом пламя свечей. Он знал, что такой туман у овцеводов зовётся слепым, он опасен – ничего не стоит заблудиться в горах; и неприятен – делает тебя липким и мокрым. Тем не менее, весьма полезен. Туман этот очищает воздух. Разве не туман освежает дороги, охлаждает цветы, увлажняет траву, и разве не благодаря ему поэты могут сравнить росу луга с алмазами, и бриллиантами, и с какими-то ещё драгоценными камнями?

Пока Эйваз беседовал с Хамаил, Хыдыр двинулся ещё дальше по тропе, не в силах оторвать взгляда от ало-голубого, становящегося таинственным неба. Тропа вела к ущелью. Перед самым ущельем лежали большие и малые куски рассыпанной горной породы – словно какой-то великан ударил палицей по громадной скале, и она рассыпалась. Тут Хыдыру повезло. Он мгновенно спрятался за большой камень, увидев недалеко от себя куропатку. Птица, уверенная в своей безопасности, стоя на обломке камня, еле слышным писком дала знать, что дорога свободна, и прыгнула на другой обломок. За нею цепочкой потянулись маленькие, ещё не оперившиеся птенцы, нежные, неловкие, с голыми подкрылками...

Хыдыр даже вспотел от волнения – как бы их не настиг какой-нибудь хищник. В этот миг он забыл о том, что отошёл слишком далеко от машины, и волкодавы, которые вот-вот должны вернуться с отарами с пастбищ, не пощадили бы незнакомца. А ведь среди них есть такие, что могут легко свалить всадника с седла...

Впрочем, долина не была безлюдной, вечернее оживление только начиналось. Недалеко от него от родника шли ребята и несли кувшины с водой – кто в руке, кто на плече, кто глиняную посуду, кто медную. На бархате луга, блестящем росинками, мелькали их голые ноги, открытые по щиколотку, и Хыдыр вспомнил, что ходить босиком на эйлаге считалось залогом здоровья, так же как купаться в ледяной воде или лежать на солнцепёке. А что, если и ему, учёному человеку, вспомнить привычки детства и, засучив брюки до колен, побродить по траве? Увы, это выглядело бы дико. Засмеют.

Туман над ущельем был чист и лёгок, и казалось, что он может нести человека высоко-высоко в своих мягких прохладных объятиях. Но вот подул тихий, еле ощутимый ветерок, он был так легковесен, что только мягкие травы да нежно-жёлтые лепестки лютика почувствовали его.

Хыдыр подошёл к детям, наполнявшим кувшины родниковой водой.

– Как тебя звать? – обратился он к босоногому вихрастому мальчишке.

Тот шмыгнув носом и с достоинством спросил:

– А тебя, дядя?

Хыдыр остановил маленькую голубоглазую девочку с большим медным кувшином на голове:

– Дай, дочка, я помогу тебе.

Голубоглазая девочка отказалась от помощи.

– Как же вас зовут, дядя, вы не сказали. – И она хитренько прищурилась.

– Мое имя, – гость сказал, – Хыдыр.

– А мы гостей любим и уважаем, – по-взрослому ответила девчушка. – Меня звать Шакаяр. – И она убрала с лица намокшую прядку волос. – А мой папа завтра приедет из долины, – важно добавила она.

Оказалось, что Шакаяр – дочь старшего пастуха, племянника Эйваза. Отец девочки уехал в долину на собственной машине, которой его недавно премировали.

Гостей позвали в лачугу. Пол был застелен войлоком, со стен свисали ковры. На самом почётном месте высились взбитые тюфяки. Складной стол и стулья стояли в углу. Снаружи слышался приглушённый шум: это возвратились пастухи, они пересчитывали овец, впускали их в загон.

– Садитесь, дорогие гости, кому как удобно – кто на стул, кто на тюфяк, – радушно говорила Хамаил, а юная Шакаяр, переодевшись, стала ещё милovidнее, тонкий её голосок так и звенел:

Кадр из фильма «Красавицей я не была» (1969), снятого по одноименному роману Б.Байрамова

– Дедушка Эйваз, снимите ботинки, отдыхайте!
– Она выбежала и через минуту вошла с кипящим самоваром, который, пожалуй, был больше её мамой.

И Хыдыр и Эйваз знали, что дети скотоводов с малолетства привыкают к самостоятельности, к полевой и домашней работе. Но проворство и ловкость десятилетней Шакар умиляли их. Сполоснув стаканы горячей водой, Шакар насухо вытерла их чистым полотенцем. В палатке заиграло радио. То ли от звуков музыки, то ли от зажжённой десятилинейной лампы в палатке стало тепло и уютно, в воздухе разнесся тонкий аромат чая, сваренного на родниковой воде.

Таков извечный обычай: голоден ли гость, сыт ли, но первым делом ему подносят ароматный чай. Разумеется, горный воздух и нелёгкая дорога оказали свое действие – гости проголодались.

По одному, по двое овцеводы заходили в лачугу, здоровались с гостями. То и дело слышалось:

– Добро пожаловать!

Они, поджав ноги, садились на тюфяки рядом с приезжими. Шакар, помогая матери, накрыла стол цветастой скатертью. Пока шло традиционное чаепитие, Хамаил успела приготовить свое коронное блюдо.

– Чувствуйте себя как дома, дорогие мои. Ешьте на здоровье.

Хыдыр приложил руку к сердцу:

– Извините за неожиданное беспокойство...

– Какое там беспокойство, Хыдыр муаллим, грешно так говорить.

И вот, сваренная на свежем овечьем молоке, в глубоких тарелках дымится вкусная рисовая каша. В самой середине тарелки оставлено местечко для топлёного или свежего масла – кому какое больше по вкусу. Хозяйка меж тем извинялась, мол, приготовлено на скорую руку, не обессудьте.

Эйваз, обжигаясь вкусной кашей, протестующе мотал головой:

– Ах, душа моя, мы с Хыдыр муаллимом о таком блюде только и мечтали в дороге. Верно я говорю?

Понемногу завязывалась беседа. Пастухи и скотоводы не были простаками, они понимали, что не попусту люди приехали к ним сюда, в такую даль и высь. Но спрашивать о причине приезда было не принято, и потому разговор начался с другого: хозяева отвечали на вопросы гостей.

– В этом году приплод у нас тут неплохой: от ста маток сто семь ягнят.

– Да, так оно и есть, не хуже, чем у соседей.

– Нечего прибедняться, скажем прямо, – лучше.

– И со стрижкой шерсти справились вовремя, настригли, пожалуй, не меньше, чем полторы нормы.

– Не хвались, Тапдыг, – шутливо побранил кто-то.

– Да не хвалюсь я, – отвечал немолодой скотовод и, вынув из кармана клетчатый платок, отёр

пот с лица. – Коль есть у нас приплод повыше плана, значит, всем польза, и государству, и мне. Получил же я недавно девять ягнят в личное пользование!

И пастух продолжал с достоинством отхлёбывать маленькими глотками чай.

– Что же ты молчишь, ровесник, – обратился с улыбкой Эйваз к чабану постарше, – правду говорит он или бахвалится?

Лазим, пожилой человек с выпуклыми глазами и гигантскими усами, был тоже занят чаепитием и ответил не сразу:

– Об этом мы говорили, когда возвращались сюда с эйлага. Ты, Эйваз, свой человек, перед тобой ни похвалиться, ни жаловаться не станем. Верно я говорю? – обратился он к пастухам.

– Верно, верно, – послушались громкие и тихие, звонкие и хриплые от ветра голоса, – жаловаться не станем.

– Вот я и говорю, – торжественно возгласил чабан, – пожалуй, Эйваз, если сосчитать средний заработок многих наших скотоводов, выйдет не меньше профессорского, а?

Хыдыр усмехнулся, он понял, что Эйваз, пока он прохладился у родника, представил его хозяйкам, не пожалев, наверно, подробностей. Хыдыр оглядел лачугу. В углу смеялась молодёжь, весело и таинственно блестели в полумраке молодые глаза.

«Вот оно, будущее гор», – растроганно подумал он. И ему захотелось услышать молодой голос.

– Молодёжь у вас играет на свирели? – несмело спросил он. – Или, может, споют какой-нибудь пастуший мотив?

Шаляр звонко рассмеялась.

– Шеки, дитя моё, – старик протянул девочке свой стакан, – чай остыл, согрей.

Шаляр вылила холодный чай, налила горячий. Она все ещё хихикала.

– Да перейдут ко мне твои недуги, – отвечал Лазим, – конечно, молодёжь и поёт, и играет, и танцует, особенно по выходным.

– Дедушка лучше нас поёт, – не выдержала Шаляр.

Лазим, обжёгшись горячим чаем, деланно рассердился, хотя было видно, что он сконфузился.

– Куда уж мне! Кстати, – оживился он, – хорошо, что вспомнил. Приедете домой, Хыдыр муаллим, обязательно скажите там, чтобы по радио и телевизору за нас на свирели не играли!

– Как так? – не понял Хыдыр.

– Очень просто, дорогой гость, – пояснил Лазим. – Приезжали к нам с телевидения, снимали нас, а мы в один голос: если уж покажете нас всему миру, так пусть за нас певцы городские не поют.

Он отпил чаю, снова обжёгся, покосился на Шаляр – мол, ну и злой напиток – и продолжал:

– У нас играют так, гость, что заслушаешься. Поэтому и обидно – чем мы хуже тех, чьи голоса выдают за наши? Однажды мне сказали: мол, приложи свирель к губам, а об остальном не беспокойся. И что же ты думаешь, дорогой? Через некоторое время вижу я себя на экране со свирелью у рта. И слова такие: «Послушайте звуки свирели пастуха Лазима, очаровывающие наши родные горы!..» А играет за меня кто-то другой! Так с тех пор молодые люди, даже озорница Шаляр, дай ей бог здоровья, проходят мне не дают, дразнят: «Дед Лазим, сыграй на свирели, пусть твоя свирель обретёт дар речи!..»

– Дед Лазим, сейчас концерт будет, – сказала Шаляр и пододвинула ближе к нему транзистор.

– Смотри не прозевай, – сердито буркнул Лазим. – Ну и хохотушка!

Хыдыр пообещал:

– Приеду домой, обязательно поговорю об этом, ведь у вас найдутся хорошие голоса, и можно будет пригласить певцов с гор и эйлагов на экран, и они будут петь сами... Разве можно допустить, чтобы люди забыли «овечий мотив» или пастушьи баяты? Нет пастуха без свирели, не правда ли, Лазим киши?

Тот кивнул и хотел было ответить, но в это мгновение раздался громкий голос из приёмника:

«Начинаем концерт вокально-инструментального ансамбля «Арзу»...»

Зазвучала задорная песня. Диктор перечислял имена передовиков, желающих послушать именно эту песню. Мотив звучал мощно, он заполнил всю лачугу. Лазим чуть убавил громкость.

Хыдыр слушал знакомую мелодию и думал о том, что горы и отары нельзя оставлять без баяты – эйлаг перестанет быть эйлагом. В самом деле, разве не онемеют тогда родники, леса и ущелья?

Лазим между тем продолжал:

– Вот все время передают концерты по заявкам передовиков, знатных людей района. А нельзя ли, – пастух усмехнулся, – организовать концерт по заявкам лентяев?

Все засмеялись.

– Ишь чего захотел!

– А почему бы нет? Хорошая мысль!

Эйваз сказал, что такой концерт, наверно, никак не организуешь.

– Почему?— спросил Лазим, смеясь вместе со всеми.

– А кому приятно будет таким образом признать себя лодырем и лентяем?

– А надо хоть один раз такой концерт организовать, может, это подстегнуло бы наших лодырей? Раскачались бы лентяи, встряхнуло бы их!.. И мы бы поняли, что интересуют их и о чем они думают!

– Так, говоришь, дядя Лазим, сами лентяи должны будут дать заявку? А ведь никто не признается в своей лени...

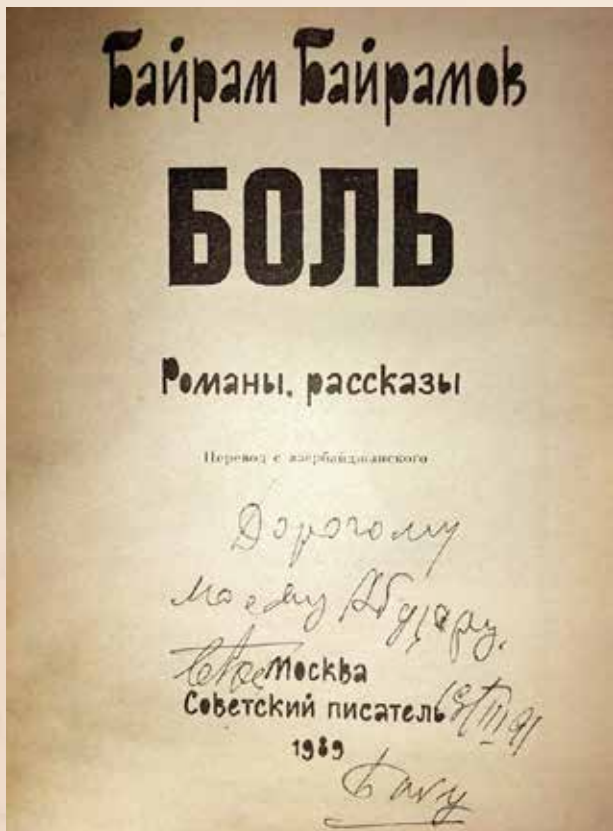
Лазим утихомирился и сказал, обращаясь к молодым пастухам:

– Ладно, хватит, ребята, надо осмотреть загонны...

Молодые пастухи сразу же поднялись и вышли.

Что-то переменялось в настроении людей – в лачуге стало тихо, даже Шакар больше не смеялась, и музыка кончилась.

И вдруг снаружи донесли тревожные голоса пастухов. Гиканье и щёлканье слышались вперемежку с овечьим бляением, и Лазим понял, что напуганная чем-то отара может свалить лачугу. Он мгновенно поднялся и вышел.

Экземпляр книги Байрама Байрамова с дарственной надписью автору настоящей статьи

Тревожная переключка в тумане продолжалась.

Раздался выстрел.

Хыдыр и Эйваз тоже выскочили наружу, с трудом различая в молочной белизне силуэт машины. Включённые Эйвазом фары не могли пробить плотный туман.

– Алабаш, Алабаш!

Ему откликнулся другой голос:

– Боздар, налетай!

Отара металась за непрочной оградой. Овцы шарахались от малейшего постороннего звука, близ загона ни стрелять, ни сигналить нельзя было – отара, обезумев, могла бы ринуться в туман и погибнуть.

Лазим с громадной дубиной поднимался по тропе. Вдруг впереди в разрыве белой пелены Хыдыр заметил мелькнувшее чёрное пятно и понял, что это был горный медведь, почти всегда голодный хищник, которого он не раз видел в детстве. Тогда, при такой шумной облаве на медведя он, конечно, убежал к матери и прятался под её подолом.

Вспомнив о матери, он почему-то подумал о куропатке с птенцами, которую совсем недавно

видел близ родника. Теперь, наверно, она с птенцами притаилась в зарослях...

Эйваз жалел, что не может помочь пастухам, – он был здесь беспомощнее, чем даже их дети, которые в минуту опасности помогали отцам и братьям. Годы взяли свое, он с завистью смотрел на смутные силуэты всадников, мчавшихся в тумане, – это были те же пастухи, быстро оседлавшие лошадей. Вся эта сумятица продолжалась не больше десяти минут, а казалось, что прошло не меньше часа. Умолкли тревожные клики, успокоились овцы и ягнята, и люди вернулись в палатку.

Оказалось, что только два человека – Хамаил и Шаляр сохранили невозмутимое спокойствие, будто никакой тревоги не было. Девочка как ни в чём не бывало сидела у транзистора, а Хамаил, не торопясь, готовила постели для гостей, словно она и не знала о переполохе и погоне за стенами своего хрупкого горного жилища...

Лазим киши вернулся в лачугу, оставив за порогом увесистую дубину. Оживлённый, словно помолодевший, он, энергично жестикулируя, заговорил:

– Послушайте, дорогие мои. Ошибся я, каюсь. Оказывается, наш молодой пастух не такой уж лентяй и мямля, как я думал. Сам видел, он чуть ли не врукопашную схватился с медведем...

Без жертв всё же обошлось. Горный медведь, жестокий хищник, изувечил волкодава, осмелившегося подойти слишком близко, и сломал спину барашку, которого ему так и не удалось унести.

– Растопите масло, – сказал пастух, которого только что заподозрили в лентяйстве, и его тотчас послушали.

Рану волкодава залили растопленным маслом, а барашка пришлось зарезать. Пастух, отогнавший медведя, буквально в одну минуту освеживал барашка и, отирая с лица пот, объяснил Эйвазу:

– Наш сосед, медведь, живёт на скале и спускается вниз только тогда, когда его одолеет голод. Бывает, утащит ягнёнку, и тем дело кончается. Не то что волк – тот передошлет половину отары...

Эйваза клонило ко сну, он укутался и задремал. Хыдыр же бодрствовал. За стеной палатки слышался чей-то тихий свист, сопение овец, невнятный говор пастухов и отдалённый лай собак, которые никак не могли успокоиться после ухода опасного гостя.

Сквозь полотно проникал свет зажжённого снаружи костра, и вскоре запах жареного мяса заполнил жильё. Кто-то подошёл пригласить Хыды-

ра к ночной трапезе, но он притворился спящим.

Он укрылся с головой и задремал.

Сколько времени прошло, он не знал, но вдруг его будто потрянуло. Хыдыра охватил страх. Ещё не проснувшись окончательно, он почувствовал, что на него обрушился тяжёлый гул. Это был гром, похожий на залп из многих орудий. Все вокруг содрогнулось. Люди проснулись. Эйваз спросил сонным голосом:

– Что случилось?

Скотоводы и пастухи объяснили:

– Гроза идёт..

Снаружи заскулили собаки. Удары грома следовали один за другим, почти без перерыва, и при нестерпимом сверкании молний палатка становилась неестественно яркой – такой мертвенной яркости на земле не могло быть. Хлынул дождь – яростный, проливной, и казалось, что по стенам лачуги ударяют тяжёлые капли олова.

Пастухи тут же покинули палатку, и сквозь гул дождя были еле слышны их восклицания, ободряющие, ласковые, – это они успокаивали метавшуюся в панике отару.

Эйваз забеспокоился, стал одеваться.

– Что с тобой, – спросил Хыдыр, – уж не собираешься ли ты под дождь?

– Боюсь за машину, – признался водитель.

– Нечего думать о машине, – сердито сказал Хыдыр. – Люди спасают скот, самое для себя необходимое, а ты – о машине. Ничего с ней не случится, я и думать о ней не хочу!

– Все так, братец Хыдыр, а всё же я пойду...

Но не успел Эйваз сделать и шага, как гул снаружи стал зловещим. Послышался какой-то треск, казалось, некая могучая сила вот-вот сорвёт все с места и опрокинет в страшное ущелье, где дико ревел вздыбившийся поток. Проснувшаяся Шаляр включила ручной фонарик, его тоненький луч на миг пронзил мрак палатки и скользнул по встревоженным лицам гостей.

– Возьми, дедушка, – и Шаляр протянула фонарик Эйвазу, – Не беспокойся, дедушка, за машину, я видела – вечером мама обернула её в войлок...

Снова молния резанула тьму, заливая молочным светом все вокруг, и опять наступила крошечная тьма, которая после мгновенного блеска казалась ещё гуще и непроглядней. Неожиданно за палаткой раздались звуки, похожие на резкое щёлканье бича. Это был град.

Эйваз, почувствовав себя неловко перед маленькой Шаляр, двинулся к выходу:

– Надо поглядеть, что там творится...

Шакяр сняла с себя отцовскую бурку и протянула ему:

– Возьмите, а то простудитесь.

–А тебе не будет холодно? – осведомился Эйваз.

–Я привычная, дедушка. У меня одеяло...

Хыдыр тоже захотел выйти из лачуги. Он только было поднялся с постели, как на палатку обрушился такой удар грома – будто на неё гора упала. Нестерпимо яркая молния ослепила его, и он подумал, что недолго и до пожара.

Шакяр, завернувшись в мамино одеяло, тихо сказала:

– Дядя, у нас часто так. В городе тоже бывает град?

– Бывает, дочка.

– И молния?

В палатку вернулся промокший Эйваз.

– Машину не унесло? – спросила Шакяр.

– Всё в порядке, дочка. Кажется, гроза стихает. И хорошо, а то несдобровать бы. Там, где вчера клубился туман, – сплошной потоп... Промокла, наверно, бурка...

–Пастушьи бурки не пропускают воду, дедушка.

За палаткой как будто стало тише, град прошёл. Хыдыр открыл дверь. Туча, пролившаяся ливнем, перевалила через вершину горы. Над дальними хребтами виднелось слабое сияние, а звезды над эйлагом казались красноватыми.

Да, гроза утихала, но для чабанов время покоя ещё не наступило. Отары, подобно клочьям облаков, продолжали метаться в своих загонах. Овцы с отяжелевшей от воды шерстью то и дело встряхивались, и на завитках, словно бусинки, блестели капли дождя.

Наконец, всё как будто утихомирилось, и пастухи стали возвращаться в лачугу.

– Потерь нет? – осведомился Хыдыр у Лазима. Впрочем, по его хоть и усталому, но спокойному лицу он понял: ничего страшного не произошло. Это и Лазим подтвердил.

– Что должно было случиться, то и случилось, – отвечал он, отряхивая громадную папаху. – Да вы отдыхайте, не перебивайте себе сон, Хыдыр муаллим...

Но уснуть уже было невозможно.

Хыдыру хотелось поговорить с Лазимом. Хорошо бы на послегрозовом воздухе расстелить вывернутую бурку и побеседовать с бригадиром, но тот, видимо, очень устал, он как-то вяло дымил сигаретой и не был расположен к разговору. Хыдыру пришлось вернуться в палатку. Шакяр, накрытая тёплой буркой, сладко спала. Дремал и Эйваз.

Прилёг и Хыдыр и сразу впал в дремоту. Ему казалось, что прошло всего несколько мгновений. Между тем смена ночи и дня на альпийских лугах происходит более быстро, без медленных переходов и оттенков, характерных для изменности. Когда Хыдыр открыл глаза, солнце уже согрело эйлаг, и все, приключившееся ночью, казалось призрачным и нереальным, будто происходило не наяву, а в сновидении...

Пока Хамаил готовила завтрак, Хыдыр, взяв с собой Шакяр, отправился к тому месту, где вчера украдкой наблюдал за куропатками. Девочка шлёпала большими, с чужой ноги, галошами, приминая росистую траву луга. Увы, скопление щебня бесследно исчезло – его смыло ливневыми потоками.

– А я знаю, где куропатки, – звонко сказала Шакяр, – они вон там, – и она протянула руку к дальним зарослям. – Мой папа говорит, что куропатки очень хорошие птицы, он их очень любит. Говорит, жалко, что их все меньше и меньше... Однажды папа выхватил винтовку у своего двоюродного брата, который целился в куропатку, и сильно ударил прикладом по камню, так что искры посыпались. Разбилась винтовка, а она была дорогая, двустольная, её недавно купили в охотничьем магазине. Рассердился двоюродный брат папин, сказал: «Что, если одной куропаткой меньше будет, мир пропадёт?» – «Может, и пропадёт, – ответил мой папа. – Небось, если ты настраиваешь приёмник на любимую песню, а её не передают, у тебя настроение портится и скучно на душе. Верно? Так и с куропаткой. Захочешь послушать её пение, а куропаток-то всех постреляли досужие охотники... Беднее голосами и песнями станет земля. Тебе этого хочется?» Двоюродный брат молчал, а мой папа не успокаивался, – продолжала Шакяр, – я все хорошо запомнила, потому что тоже не хотела, чтобы такую красивую птицу убивали. И папа про то же самое стал говорить: «Если один из нас будет охотиться ради своего удовольствия на куропаток, другой – на турача, третий – на фазана, да ещё, упаси бог, на джейрана – тогда наши глаза ничего не увидят, а уши ничего не услышат...»

Хыдыра забавлял этот разговор со смышлёной девчушкой. В её голосе слышались интонации, заимствованные явно у взрослых, но через них прорывалась детская непосредственность, и эта милая смешливость вперемежку с серьёзностью была очаровательна.

– Твой отец, Шакяр, хороший и умный человек. Он любит и понимает природу, как и положено опытному чабану.

*Кадр из фильма «Фирангиз» (1975),
снятого по одноименному роману Б.Байрамова*

– К нам приезжал один человек из города, который пишет книги. Он тоже так сказал. А папа ему ответил, что есть такие люди, которые заносятся перед простыми пастухами.

– Это, Шакар, нехорошо. Пастухи наши – смелые, сильные, я сегодня ночью ещё раз убедился в этом. Они любят песни, знают много сказок, не правда ли? У них, как у твоего отца, добрые сердца. Жаль, что он в райцентре, и мы с ним не увидимся.

Куропаток нигде не было.

– Они только к вечеру выходят из камней или зарослей, – с видом знатока заметила Шакар.

– А вон за той скалой, видите, живут козули. Мой папа и в них никому стрелять не разрешает. Недавно, дядя, приехали к нам трое на красивой машине. У них были винтовки и патронташи. Узнал папа, что они приехали охотиться на горных козлов. Рассердился, собрал пастухов, и все вместе заставили охотников уехать ни с чем...

Шакар прыснула, затем умолкла и застенчиво спросила:

– Дядя Хыдыр, а вы приехали с дедушкой Эйвазом охотиться? – в её голосе звучал еле заметный упрёк.

– Что ты, дочка, разве я похож на охотника?

Шакар подняла камешек и бросила его в родник.

– Вы хороший... Сколько у вас детей, дядя?

Хыдыр смутился. Как ответить ребёнку? Когда старые его друзья из самых добрых чувств намекали ему: дескать, пора обзавестись семьёй, он отдевался шуткой. Здесь, на эйлаге, среди людей, занятых тяжёлым, но любимым трудом, он увидел, как дружно и счастливо живут большие семьи, как доводят тут детьми, и – странно, гораздо острее, чем в городе, почувствовал неполноту всей прожитой жизни. За длинной чередой лет, заполненных преподаванием, учёными изысканиями, книгами и путешествиями, он, наверное, упустил что-то очень важное... И Хыдыр вспомнил то самое заветное письмо, которое он, повинувшись неосознанному движению души, взял с собой в дорогу...

А девочка и не ждала ответа на свой вопрос, и не подозревала, какую печаль и смуту возбудила в душе своего взрослого спутника. Прыгая на одной ноге, Шакар приближалась к роднику – сель-

чане называли его «Родником ущелья», – и у самого края нагнулась к камню причудливой формы, похожему на шапку с широким козырьком, а потом подбежала к Хыдыру:

– Смотрите, дядя!

В руке у неё был большой горный гриб, величиной с блюдце, с красноватым оттенком, мясистый.

– Под камнем спрятался от града. Испугался грозы и спрятался!

Хыдыр улыбнулся:

– Наверно, наши куропатки тоже так спаслись от грозы?

Они повернули к палатке.

– Так ты слышала много сказок от бабушки, правда, Шакар? – спросил Хыдыр.

– Зачем от бабушки? – бойко ответила девочка, – Я сказки слушаю по радио и по телику смотрю. А вы разве не смотрите?

– Как же, – засмеялся Хыдыр, – смотрю. А пастухи не рассказывают сказок?

– Теперь я знаю, кто вы, дядя, вы сказки пишете, – догадалась Шакар. – Вы писатель, да?

– То охотник, то писатель. Нет, дочка, не угадала.

– А к нам недавно приезжал один, тоже про сказки спрашивал. Пристал к бабушке: мол, расскажи сказку, а я запишу.

– Нет, Шакар, я не пишу и не записываю сказок, но очень их люблю, ведь сказки тоже могут исчезнуть, как джейран, турач, куропатка, они нужны всем, и их тоже надо беречь...

Перевод Абрама Плавника